

НЕВА

1

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Константин КОМАРОВ

Стихи • 3

Ренат БЕККИН

Аскар и его брат. *Повесть* • 9

Станислав БЕЛЬСКИЙ

Присутствие. Стихи • 36

Денис КОЖЕВ

Рассказы • 40

Роман ФАЙЗУЛЛИН

Стихи • 61

Антон РАТНИКОВ

Репортериум. *Повесть* • 66

Юлия МОРОЗОВА

Стихи • 125

Диакон Олег КУРЗАКОВ

Рассказы • 128

Александр ДЬЯЧКОВ

Стихи • 134

ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь ШУМЕЙКО

Три парадокса династии Романовых • 137

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Владислав БАЧИНИН

Tolstoyevsky-trip. Опыты сравнительной теологии литературы • 150

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Юлия ЩЕРБИНИНА

Оскорбительная критика: опыт отражения • 159

12+

МОЛОДЫЕ О МОЛОДЫХ

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Питер: Культурный слой–2012 • 173

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. Елена Гушанская. Последняя книга. **Booker–2012.** Лариса Залесова-Докторова. Генрих Восьмой глазами Хилари Мантел. **Путь к читателю.** Владимир Чисников. Федя Протасов – агент Охранки?! Загадка пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп». **Пилигрим.** Архимандрит Августин (Никитин). Великая княгиня Анна Павловна (1795–1865) – королева Нидерландов. **Дом Зингера.** Публикация подготовлена Еленой Зиновьевой • 197–254

---

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации
Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена
Электронную распечатку рукописей присылать
на потовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9)
Рукописи не возвращаются и не рецензируются*

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья ЛАМОНТ
(ответственный секретарь,
коммерческий директор)

Александр МЕЛИХОВ
(зам. главного редактора)

Маргарита РАЙЦИНА
(контент-редактор)

Ольга МАЛЫШКИНА
(шеф-редактор молодежных проектов)

Игорь СУХИХ
(шеф-редактор гуманитарных проектов)

Борис ДАВЫДОВ
(отдел публицистики)

Елена ЗИНОВЬЕВА
(редактор-библиограф)

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **М. Райцной**

АСКАР и ЕГО БРАТ

Повесть

Не зря говорят: в основе всех человеческих несчастий лежит праздность.

Иначе как объяснить, зачем понадобилось усердной студентке Асие Зиннуровой идти на день рождения к своей не очень близкой подруге в солнечную субботу 21 мая 1965 года?.. Мать, словно чувствуя, к чему все это приведет, все утро нараспев причитала над свамым ухом Асии: «Не ходи, доча, на этот день рождения, поехали лучше с нами на огород. Клубника поспела, а то мы без тебя все съедим». Но не послушала Асия мать: «Не нужна мне ваша клубника, не поеду на огород, хочу веселиться со всеми!»

Повеселиться и в самом деле удалось на славу. Весь вечер свою черноокую соседку по столу развлекал неутомимый говорун — рыжеволосый Мансур: то анекдот с двойным смыслом в разговор ввернет, то песню задушевную запоеет, то комплимент нашепчет — такой, что вроде как и неудобно слушать, а все равно хочется. Давно так не смеялась Асия, громко, задористо, от души...

Сокурсники Асии с завистью поглядывали на Мансура: растормошил-таки нашу Царевну Несмеяну. Одним словом: рыжий черт... Немного смуглая, большеглазая, статная, она больше напоминала дочь пустынь Аравии, чем жительницу Поволжья. В школе ее даже прозвали Арапом — не только за цвет кожи, но и за гордый нрав.

В университете Асия прослыла недотрогой. Многие мечтали гулять с нею, но у Асии на все был один неизменный ответ: я учиться должна, у меня на любовь времени совсем нет. Знала Несмеяна свое дело: за все пять лет учебы никто из поклонников не мог похвастаться тем, что заслужил ее благосклонность. Тех, кто достаивался ее растерянной, лишенной всякой чувственности улыбки отличницы, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Никому и в голову не могло прийти, что в детстве Асия была забиякой и дворовой девчонкой, и ее старались обходить стороной даже самые задиристые мальчишки.

— Правильно, доченька, не отвлекайся, — одобрительно кивала мать Асии. — Сейчас самое главное — учеба, а потом любовь настоящая сама тебя найдет.

Под любовью Ильсияр Шамсутдиновна понимала соответствующий штамп в паспорте. Эта прямоугольная печать значила для матери Асии нечто большее, чем просто документальное свидетельство, подтверждающее, что владелец паспорта состоит в законном браке. Штамп этот был для нее олицетворением самой любви, безусловным гарантом того, что с этим союзом двух сердец, каким бы он ни был, ничего дурного не случится. Для подобных взглядов, не искорененных и в наши дни, имелись определенные основания.

Ренат Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. Окончил МГИМО (У) МИД РФ в 2000 году по специальности «юрист-международник со знанием иностранных языков». С 2003 года преподает в МГИМО (У) МИД РФ. В 2005 году вместе с Асламбеком Эжаевым создал литературную премию «Исламский прорыв». С 2007 года является главным редактором литературно-философского журнала «Четки». Доктор экономических наук. Живет в Казани.

В советское время разводами баловалась преимущественно неустойчивая в моральном отношении интеллигенция, пребывавшая в бесплодном и бесконечном процессе поиска своих первооснов. Простые же люди, к числу которых, несмотря на приобретенное высшее образование, принадлежали родители Азии, столкнувшись с неизбежным отмиранием чувств, не оставляли друг друга, а продолжали жить под одной крышей, принимать пищу из общего котла и время от времени вступать друг с другом в необременительные супружеские отношения.

Такие семейные лодки не только не разбивались о быт, но, напротив, способны были умело маневрировать в беспокойном океане под названием «Жизнь» без компаса и управления сколь угодно долго — до тех пор, пока не разваливались на части от собственной древности. Лодки эти не могли утянуть в пучины ни прилипшие к их днищу океанские паразиты в лице любовниц и любовников, ни отсутствие на борту достаточного количества провианта, ни периодически вспыхивающие конфликты между членами экипажа. Впоследствии теми же неизведанными маршрутами без компаса и руля следовали появившиеся в результате таких брачных союзов дети. Родители Азии не знали и не искали другого рецепта семейного счастья для своей единственной любимой дочери.

Но любовь не стала ждать, когда черноокая Асия получит диплом, и явилась во внеурочный час на пороге дома с лицом смеющегося огневолосого юноши с татарской гармошкой на дюже плече.

Зеленоглазый Мансур обезоружил родителей Азии большими белыми зубами, дипломом инженера-нефтяника («Нефть — это серьезно!» — сказал Заки Бакиевич, отец Азии) и дивным своим голосом. Весь вечер Мансур играл на гармошке, а Ильсияр Шамсутдиновна и Заки Бакиевич, как могли, недружно подпевали ему на татарском языке с изрядной примесью русских слов.

Асия, уткнувшись лицом в ладошки, слушала, как заливается голосистый Мансурчик. В голосе его было что-то волнующее, отдающее теплотой и нежностью, то, чего ей никогда раньше не доводилось слышать ни в деревне, куда ее с ранних лет каждое лето вывозили родители — подальше от городских соблазнов, ни на концертах народной музыки, куда их силком приводила классная руководительница Альбина Ивановна в школьные годы.

Всякий раз Мансур уходил от них за полночь, когда недовольные соседи начинали колошматить стенку, истомившись на своих мокрых, пропитанных потом лужах от вырывавшейся из самого нутра рыжеволосого озорника народной песни. Однажды жильцы соседней квартиры вызвали милицию, и Мансуре пришлось всю ночь развлекать своей игрой ближайшее отделение. После этого милиционеры приезжали за Мансуром еще до поступления сигнала от обеспокоенных жильцов дома. Утром его, опохмелившегося и уставшего, с почетом доставляли домой — в небольшую квартирку, которую он снимал с Елдесбаевым — бывшим студентом консерватории, изгнанным с третьего курса за дебоши и прогулы. Поговаривали, что Елдесбаев балуется наркотиками.

О наркотиках Асия ничего не слышала, но была уверена, что Елдесбаев дурно влияет на Мансура и ее первейший долг — избавить своего жениха от опасного соседа.

— Мама, Мансур не может больше там жить. Этот Елдесбаев совсем погубит его, — заявила она однажды за завтраком.

— Что ты предлагаешь? — осторожно поинтересовалась мать.

— ... Чтобы он переехал к нам.

— Это невозможно, — возмутилась Ильсияр Шамсутдиновна. — Он пока тебе никто. Так нельзя, кызым!¹ Что о нас люди говорить будут?

Асия бросилась к матери с криком: «Мама, мин яратам Мансур! Сильно-сильно яратам»². Всякий раз, когда Асию охватывало волнение, она перескакивала с русского на мишарский татарский, который она переняла не столько от родителей, несколько подзабывших родной язык в городских условиях, сколько восприняла в нижегородской деревне, куда приезжала почти каждое лето.

— Тогда женитесь, — не найдя что возразить, отвечала мать...

Через месяц сыграли свадьбу. Тамадой на ней был сам жених. Возбужденно кричал он самому себе заветное «Горько!» и с большой охотой исполнял по заказу гостей веселые застольные песни на русском и татарском языках. Кто-то из друзей пошутил, что свадьба стала для Мансура лишним поводом попеть и... выпить. Но никто не осуждал Мансура: всем нравилось, как он поет, да и свадьба все-таки: разве плохо, когда жених излучает радость, заражая ею других гостей?..

Ильсияр Шамсутдиновна и Заки Бакиевич не стали докучать молодоженам: оставили Асие с Мансуром квартиру, а сами уехали в деревню в пустовавший дом родителей Заки Бакиевича — «петрушку выращивать и внуков ждать».

Асия не стала подводить родителей и вскоре убедилась, что ждет ребенка. Радовалась так, что Мансур еле утихомирил ее.

— Надо родителям телеграмму дать, — сказала Асия.

— Ты что! Зачем их пугать? — засмеялся Мансур. — Давай лучше через пару недель к ним сами приедем. Сюрприз сделаем.

Но сюрприза не получилось... Через несколько дней, когда пришли первые холода, Асия получила телеграмму: «МУЖАЙТЕСЬ РОДИТЕЛИ УГОРЕЛИ ТЧК ПОХОРОНЫ ЧЕТВЕРГ ТЧК СОСЕДИ».

— Я рябби!³ Это я во всем виновата, — надрывалась Асия. — Зачем я отпустила их? Неужели мы бы не смогли ужиться вместе?!

Мансур, как мог, успокаивал жену, гладил по голове, слезы вытирал, шептал на ушко: «Не бери на себя вину, жаным⁴, разве могли мы предвидеть это?»

Но Асия с детства была приучена матерью к тому, что все в мире должно иметь причину. Если не она виновата, то должен же кто-то быть виноватым?.. И вот однажды, когда Асие в очередной раз взгрустнулось, а Мансур принялся утешать ее, она, словно только и ждала этого, напустилась на него:

— Это из-за тебя все! Из-за твоих разгулов родители в деревню уехали. Не хотели смотреть на тебя, как ты водку хлещешь!

— Да что ты такое говоришь? — растерянно произнес Мансур. — Я же и не хотел ехать к вам. Это ты настояла... Мне и одному неплохо жилось.

— Конечно, неплохо, — с задором подхватила Асия, — пил, с девками блян⁵ гулял, развлечения анда⁶ направо-налево, а монда⁷ в хорошую семью попал... Освоился. Ряхат⁸.

— Ах, вот оно что! Значит, попрекаешь меня?! В таком случае счастливо оставаться.

Асия удивленно смотрела на спину и затылок мужа, торопливо бросавшего свои майки и носки в спортивную сумку.

— Ты куда это? А?!

— Не твое дело...

— Как это не мое? Ты куда собрался?!

— Пошла ты... знаешь куда?!

— Куда?

И Мансур сказал жене, куда ей надлежало податься. Впервые за время их знакомства он употребил неприличное слово в ее адрес...

Прошла неделя, прежде чем ошалевшая от одиночества Асия отыскала Мансура на квартире у одного из его друзей и, запихнув полупьяного, шутившегося от дневного света в такси, доставила домой. Несколько дней он не пил, зато много и охотно ел все, что ему ни предлагали. Даже винегрет, который раньше терпеть не мог. Потом садился в уголок и тихо, зачарованный, размышлял о чем-то. Постепенно жизнь супругов, подвергнувшаяся первому серьезному испытанию, пришла в норму, приблизившись к тому образцу семейного счастья, который только и был знаком Ильсияр Шамсутдиновне. Но это были уже не тот Мансур и не та Асия.

С работы Мансура погнажи.

— Нечего было начальству сообщать, что я из дому ушел, с бабами связался, — безо всякого сожаления сказал Мансур, когда Асия, всплеснув руками, воскликнула: «За что же они так тебя, сволочи проклятые?»

Не хотелось ему на прежнюю работу — сидеть в душном помещении с дураками, корчившими из себя умников и святош, и смотреть на часы, когда стукнет шесть вечера. Да и разве это деньги — то, что платили ему там, в бюро? То ли дело работа тамады — всегда сыт и весел, да и заработок неплохой. Асия поначалу пыталась отговорить мужа, но вскоре оставила эту затею, решив, что пусть лучше тамадой пока работает, чем дома сидит и баклуши бьет. Все одно: пить будет, только на работе за чужой счет, а дома на свои, из семейного бюджета. Да и время ли сейчас ей выяснять отношения, нервы трепать, когда она вот-вот родить должна...

Мальчика назвали Аскарком. Когда ребенка привезли домой из роддома, Мансур поспешно передвигался по квартире, пел, то и дело хватал гармошку, начинал играть, потом бросал и пускался в пляс. Мансур клялся каждому встречному, что сын — «копия он сам в детстве». В доказательство показывал свои фотографии двадцатипятилетней давности.

«Неужели, все теперь образуется? — подумала Асия. — В самом деле, в какой семье не бывает проблем. И родители ссорились, бывало».

Вспомнив о родителях, Асия заплакала.

— Не плачь, дорогая! — Мансур схватил жену на руки и закружился по комнате. — Теперь все по-другому будет. Вот увидишь.

— Ты уйдешь с этой работы, ведь так?

Мансур молча опустил жену на пол.

— Возможно. Но не сейчас. Нам сейчас с тобой нужны деньги, много денег. Пока другую работу не найду, эту бросить не смогу.

Проходили дни, недели, а Мансур и не думал что-либо менять в своей беззаботной жизни. Деньги жене он исправно отдавал. Все, что ему требовалось для счастья, он и так получал даром: каждый раз возвращался с «мероприятия» навеселе с полным мешком гостинцев. Перепадало и Аскару. Мансур хвастался всем, что у него родился сын, и веселые хозяева насыпали полный мешок сладостей и пирогов для младенца, у которого еще и зубы-то не прорезались.

Довольно скоро роль тамады для Мансура из почетной обязанности, возложенной им на себя по просьбам общественности, превратилась в образ жизни. Он пропадавал целыми днями, а потом его, ослабленного, с разочарованной усмешкой на искусанных губах, приносили на руках собутыльники или сердобольные милиционеры, и он пару дней лежал на диванчике в маленькой комнатке, служившей прежде кладовой. На этом диванчике находил уют отец Асии, когда они ссорились с Ильсияр Шамсутдиновной.

Возвратившись к жизни, Мансур немедленно требовал водки, после чего начинал петь, с усилием раскрывая рот. Завершалось все извержением всего выпитого и съеденного на пол в сопровождении звериного хрипа. Вытирая загаженный пол,

Асия ненавидела мужа, как только может ненавидеть обманутая в своих ожиданиях женщина, и желала ему немедленного возмездия. Сама того не замечая, Асия стала все чаще вызывать к Богу, в которого она никогда не верила, с мольбами покарать беспутного мужа-обидчика.

Наутро, когда Мансур, злой и трезвый, бесстрастно лупил ее за то, что она стянула у него из кармана «последний рупь», Асия безропотно возвращала похищенное. В такие минуты она мечтала лишь о том, чтобы поскорее увидеть мужа пьяным, обмякшим. В этом состоянии он не был столь опасен и полностью находился в ее власти.

Противостояние с мужем выработало у Асии железный характер. Когда Мансур был нетрезв, она неизбежно становилась главой семьи, эдаким халифом на час. Довольно скоро Асия привыкла принимать решения, ни с кем не советуясь. Халиф на час стал полновластным правителем в доме. Самолюбие Асии подогревало осознание того, что жизнь мужа теперь всецело зависит от нее одной.

— Ты, это, ребенка ему еще одного роди, может, это его образумит, — посоветовала школьная подруга Наташа, когда Асия, встретив ее на улице, пустилась рассказывать о своих горестях. — Я вот родила своему сразу двойню, так он не только пить, но и курить бросил.

— Куда там, — махнула рукой Асия. — Мы уже почти два года не спим вместе. С тех пор, как Аскар родился.

— А ты настойчивее, настойчивее с ним. Если мужчина не желает женщину, это вина самой женщины, — бескомпромиссно заявила Наташка.

Мансур и в самом деле в последнее время совсем перестал интересоваться Асией. Несколько раз ей удавалось под утро растормошить мужа, но все эти попытки приводили Асию в горестное смятение. В конце концов она оставила всякую надежду на близость с зеленоглазым богатырем, когда-то покоровившим ее с первого взгляда.

На следующее утро, едва только Мансур продрал глаза, Асия с ласковой улыбкой пристроилась у изголовья и сказала: «Мансурчик, ты устал совсем, я смотрю. Не хочешь отдохнуть?»

Мансур приподнялся на подушках и настороженно посмотрел на жену.

— Чего задумала, ведьма?

— Хотела предложить тебе съездить вместе к морю. У нас на работе есть возможность дешевые путевки взять. А то мы с тех пор, как поженились, никуда не ездили.

— А зачем? Мне и здесь хорошо.

— А на море еще лучше будет. А Аскара в пионерлагерь отправим...

Вскоре после возвращения из Адлера Асия поняла, что вновь беременна.

Поначалу, как и в прошлый раз, когда родился Аскар, Мансур преобразился. Асией даже стало казаться, что теперь все непременно наладится и они с мужем наконец обретут то счастье, которое, вне всякого сомнения, они оба заслужили.

Однажды Мансур не пришел ночевать. Такое и раньше с ним случалось, но всякий раз находились люди, которые сообщали Асией о нахождении мужа. Обычно это было после свадеб, юбилеев или других крупных «мероприятий», требовавших огромной отдачи от тамады. Бывало и так, что Мансур просто не доходил до дома, потеряв равновесие от количества употребленного им алкоголя. Асия знала, как действовать в подобных случаях. Ей был хорошо известен маршрут мужа от кафе «Вечный зов» на улице Тукая, где он нередко заправлялся после работы, откуда и так шел навеселе, до дома, располагавшегося в двух кварталах от злополучного заведения. Каждый раз она находила мужа либо под елью, либо в ближайшем от-

делении милиции, где его всякий раз принимали как родного. У дежурного на этот случай была наготове гармошка, и Мансур потешал милиционеров игрой на инструменте. Но в этот раз Мансур как сквозь землю провалился. Удивленные милиционеры разводили руками.

Асия вернулась домой и принялась обзванивать знакомых мужа. Но никто не знал, где он...

Через месяц тело Мансура обнаружили на берегу Волги в нескольких километрах от города. Позже выяснились подробности: приняв лишнего, он горячо поспорил с кем-то из гостей на свадьбе, что переплывет Волгу, и... проиграл спор.

Красавица Асия, всегда выглядевшая моложе своих лет, как-то скоротечно превратилась в старую некрасивую женщину, обладавшую дурным характером и жившую по принципу: «Бей своих, чтобы чужие боялись». Теперь все называли ее не иначе как Асия-апа. На лице ее появились морщинки, образовался двойной подбородок, волосы поседел. Единственное, что напоминало о ее прежней красоте, — большие карие глаза. Они казались усталыми — но лишь до тех пор, пока что-нибудь не вызывало негодования Асии-апа. Тогда глаза вспыхивали, и в них можно было увидеть огонь, который когда-то возникал у их обладательницы в минуты радости.

После смерти мужа Асия-апа была уже не в силах переменить прежний образ жизни. Привыкшая жить в горячей борьбе, она, подобно солдату, который побывал на кровавой войне, уже не могла вернуться к мирной жизни. Война продолжалась. До полной победы.

Главной жертвой этой бессмысленной войны был Аскар. Своей железной волей Асия-апа принуждала сына делать то, что причиняло ему ничем не оправданную боль. Он уже давно вырос из детсадовского возраста, а мать продолжала командовать им, словно он только вчера увидел мир. Уже став взрослым и поступив в институт, Аскар не мог забыть одну историю, которая едва не привела его к нелепой гибели.

У Аскара имелись серьезные причины не надевать связанную матерью теплую шерстяную фиолетового цвета шапочку с длинными ушами, оканчивающимися большими помпонами. Мальчишки во дворе дергали Аскара за шерстяные уши, дразнили «девчонкой» и не скупилась на подзатыльники.

Но Асия-апа, казалось, не замечала страданий сына. Каждый выход на улицу происходил по известному сценарию. Сначала Асия-апа вежливо уговаривала сына надеть шапку, но малыш продолжал упрямиться, плакал, умолял дать ему другую шапку. Тогда она начинала говорить с сыном на более привычном для нее языке, знакомом ей с далекого детства, проведенного в бараке на окраине Елабуги: «Ах ты, сволочь проклятая, если ты сейчас же не оденешь шапку, потом будешь валяться с менингитом, как собака. Я за тобой ухаживать не буду!»

Маленький Аскар, глотая слезы, нахлобучивал ненавистную шапку-амузайку и убегал. Вечером он возвращался домой грязный, нередко с синяками на лице и на теле: обидчикам также приходилось дорого платить за свои слова. И в довершение всего ему вновь приходилось выслушивать оскорбительные монологи матери. Однажды Аскар воротился без злосчастной шапки. Весь вечер ему пришлось стоять в углу и выслушать о себе такое, что не от каждого дворового мальчишки услышишь. Улучив момент, он похитил у матери бусинки из шкатулки, засунул себе в нос и чуть не задохнулся, если бы Асия-апа железной рукой не выбила бы их из него вместе с кровавыми детскими соплями.

Любимыми словами Асии-апа были: сволочь, мразь, скотина. Эти слова всякий раз приходили ей на помощь, когда что-то на свете свершалось вопреки ее

воле. Они слетали с ее уст так же легко, как отрывка, которой она страдала с детства, когда поддалась на уговоры мальчишек и съела не дожаренную на костре ворону, умерщвленную ею из рогатки. Согласно неписаному уставу, придуманному еще при царе Горохе дворовой детворой, человек, умертвивший животное любимым орудием, обязан был немедленно слязнуть свою жертву.

С тех пор рацион Асии-апа изменился, но убитая ворона всю жизнь в буквальном смысле отрывивалась ей в самые неподходящие моменты жизни. Близкие и знакомые настолько привыкли к этой особенности организма Асии-апа, что не представляли ее без отрывки. И если в молодые годы Асия-апа всегда имела при себе платок, чтобы вовремя прикрыть рот, то после смерти мужа она уже не считала нужным скрывать свой недостаток от окружающих.

Как плохая актриса, Асия-апа хорошо знала только две роли: роль жертвы и роль палача. В зависимости от настроения, царившего в ее душе, она могла выступить в том или ином образе.

Когда Асия-апа чувствовала себя измученной или ее желудок был переполнен, она, устало позевывая, начинала всхлипывать и причитать, сообщая своим громким голосом всему дому, что одна она осталась на свете, что никто ее не любит, не называет даже по имени, что после смерти отца дети хотят свести ее в могилу, чтобы потом продать квартиру и ее драгоценности, что она мешает этим мразям блядствовать.

Даже хорошо изучивший повадки матери Аскар не всегда мог предугадать, как она поведет себя через пару минут. Она могла чинно восседать во главе стола, лузгая семечки и комментируя в сильных выражениях очередной сериал, потом вдруг начать стенать, сиюсь перекричать орущий телевизор: «Весь день я стою у плиты... и никакой благодарности от вас, сволочей», а еще через минуту упасть на пол и зарыдать во весь голос. Когда потревоженные соседи начинали барабанить в стенку, по потолку или по полу в зависимости от своего местонахождения, Асия-апа прекращала плакать и обрушивала на них все проклятия, которые только знала.

Подростки дети не помнили другой мамы. Им казалось, что по-иному просто не бывает. Аскар отлично усвоил, что в минуты, когда мать начинала рвать и метать, лучше прихватить с собой братишку Даниса и исчезнуть из дома, чтобы переждать бурю в стакане воды на скамейке во дворе. Но иногда Асия-апа так увлекалась, что Аскару, не успевшему ретироваться, приходилось вызывать «скорую».

— Ничего, детушки, — дрожащим голосом произносила Асия-апа, выбивая марш зубами о поднесенный ей стакан воды, — вы потерпите. Видите, недолго мне уже осталось. Вы потерпите, инде⁹. Я вижу, что вы хотите, чтобы я скорее умерла. Не волнуйтесь, я скоро умру. Потерпите азгына¹⁰, — затем Асия-апа, глотая воздух, падала на пол и начинала биться в судорогах.

Данис кричал навзрыд: «Мама! Мамочка!», а Аскар метался по квартире со стаканом воды или валерьянкой. Несколько раз действительно вызвали «скорую помощь». Но когда она приезжала, Асия-апа как ни в чем не бывало поднималась с дивана или с пола и изображала страшное удивление, увидев приближавшихся к ней врачей.

— Это они вызвали «скорую», чтобы забрать меня в психушку и квартиру поделить. Я им мешаю, — доверительно сообщала она врачам полупрошепотом.

Врачи понимающе кивали головами и недружелюбно смотрели на Аскара.

Аскару приходилось платить за ложный вызов. Вскоре он совсем перестал звонить в «скорую», научившись безошибочно угадывать, когда мать действительно плохо себя чувствовала, а когда откровенно играла на публику.

Если же Асия-апа находилась в бодром расположении духа, но не сходила в туалет или была голодна, то с большей охотой она примеряла на себя маску палача. Содержание ее речений оставалось прежним, менялась лишь форма подачи. Асия-апа не плакала и не молила о милосердии, она, подобно потревоженной медведице, яростно нападала на обидчиков в лице Аскара и Даниса.

— Будьте вы прокляты, кобели вонючие, ни дна вам, ни покрывки! — кричала она сыновьям. — Убирайтесь вон, паршивые шакалы! Я вижу, как вы шныряете, глазами рыщете, ждете моей смерти, людоеды, мечтаете распродать здесь все, чтобы потом блядствовать. Багарсен¹¹, что с вами будет, когда я умру!

После таких сцен Аскар часами бродил по окрестным улицам и бормотал что-то несурзное. Ему было жаль маму, но как изменить все это, он не знал. Бессилие, невозможность что-либо переменить в своей судьбе и постоянное напряжение, даже по ночам (Асия-апа страдала бессонницей и часто закатывала концерты после полуночи), сделали свое дело. Аскар начал понемногу выпивать. Это обстоятельство не прошло незамеченным для Асии-апа.

— Ты сын алкоголика, — кричала Аскару мать, — и ты тоже станешь алкоголиком. Багарсен! — Слова эти произносились каждый раз с такой неопровержимой убедительностью, что Аскар поневоле стал верить в предопределенность собственной судьбы.

Сначала он выпивал, когда не мог победить в себе тоску, потом стал делать это чаще, и вскоре едва ли не каждый вечер Аскар заявлялся домой на «кочерге» — для профилактики. Состояние эйфории не могли разрушить ни проклятия и пророчества матери, ни плач Даниса, на которого приходился основной удар в отсутствие брата.

Когда становилось совсем неважно, Аскар исчезал на несколько дней. Появлялся довольный, с задумчивой улыбкой на устах. У него завелись первые деньги. Выпивка и женщины стали для него лекарством от невыносимой, однообразной, подавлявшей его действительности. Он бы давно оставил мать и навсегда перебрался к одной женщине — кандидату наук с ребенком, которая обожала его, но оставить брата с больной матерью он не мог.

— Как она меня достала, — часто говорил брату Данис.

— Перестань, Данис, — отвечал ему Аскар. — Это же мать.

— И что теперь, что мать? У других ребят нормальные матери, а мне за какие грехи такое наказание?

— Она тебя родила, воспитала. Мы уже за одно это должны благодарить ее. Она дала тебе и мне жизнь.

— Дала жизнь... Да если так дальше будет продолжаться, то я повешусь скоро. Я, что ли, просил ей давать мне жизнь? Она меня для себя рожала, для отца, чтобы, как все, быть. А я ее не просил меня рожать. Меня вообще об этом никто не спрашивал, если что.

— Данис, что ты несешь?

— Или ты хочешь сказать, — распаялся Данис, — что животные тоже рожают не потому, что у них срабатывает инстинкт продолжения рода, а из каких-то гуманистических соображений, чтобы дать жизнь своим детенышам?! Хомячиха рождает хомячков, чтобы дать им жизнь? Тогда почему она может их всех сожрать на обед, если вовремя не отобрать у нее малышей? Вот и наша мать мне напоминает эту хомячиху. Она родила нас, повинувшись инстинкту, и, поскольку некому было вовремя забрать нас, она жрет нас без всяких угрызений совести.

— И что ты предлагаешь? Бросить мать?

— Тебе легко говорить. Ты, как что, сваливаешь на несколько дней, а мне некуда деться.

— Может, ты и прав. Но уйти — это тоже не решение...

— Может быть, отдадим мать замуж? — однажды предложил Данис Аскару во время прогулки.

— Ты дурак, что ли? Кому она нужна? — сразу же отмахнулся Аскар, не приняв слова брата всерьез.

— Был бы товар, а покупатель найдется. Не дрейфь, братишка, я беру это на себя, — со знанием дела произнес Данис.

Проблема была лишь в том, что Асия-апа слышать не хотела ни о какой свадьбе. Она гордо несла титул вдовы Мансура-абый и рассматривала советы приятельниц выйти замуж как личное оскорбление.

— Что ты собираешься делать? — спросил Аскар.

— Надо познакомить ее... как бы случайно... с каким-нибудь хорошим человеком. Пусть пообщаются. А потом, глядишь, что-нибудь из этого и получится.

Осталось подобрать этого самого хорошего человека. Именно подобрать, потому что вопреки заявлениям пессимистов хороших людей немало, но среди них мало терпеливых.

Первый, о ком вспомнили братья, был коллега матери по работе в школе — учитель природоведения Евгений Семенович. Он тоже рано овдовел и на вид вполне был годен в женихи. Не пил, не курил. Небольшой животик не портил его. Да и у какого мужчины в пятьдесят лет не бывает животика, пусть и небольшого? Разве что у спортсменов и наркоманов.

Беседу с Евгением Семеновичем Данис взял на себя. Аскару досталась самая сложная часть работы — уговорить мать. Долго не могли решить, с чего начинать: с разговора с Евгением Семеновичем или с Асией-апа?

— Представляешь, поговорю я с Евгением Семеновичем, он даст добро, а потом мать скажет: «На фига он мне нужен?», и как мы с тобой тогда будем выглядеть? — говорил Данис.

— А ты на мое место встань: переговорю я с матерью, уломаю ее, а твой Евгений Семенович возьмет да и не согласится. Что тогда?.. Не знаешь? А я знаю. Копец нам с тобой будет.

— Почему это не согласится?

— Да мало ли почему. Даст задний ход, и все. Или, может, он уже не годен к семейной жизни, твой Евгений Семенович...

— Об этом я как-то не подумал, — Данис почесал в затылке. — А во сколько это обычно происходит у мужиков?

— Что происходит?

— Ну, эта... импотенция.

— У всех по-разному, — отвечал Аскар..

В итоге все-таки решили пойти с двух концов: Аскар провентилирует вопрос об отношении к Евгению Семеновичу у матери, а брат осторожно осведомится у Евгения Семеновича, что он думает об Асией-апа.

Несколько дней Аскар выждал удобного случая начать разговор: то мать была не в настроении, то он сам чувствовал себя не вполне готовым завести беседу.

В субботу Асия-апа подрядила Аскара сопровождать ее на рынок. «Либо сейчас, либо никогда», — подумал он.

— Гляжу, тяжело тебе, мама, с нами, — наигранно вздыхая, произнес Аскар. Его ладони от волнения стали влажными.

— Да уж, — охотно согласилась мать. — Сама удивляюсь, как еще жива с вами, упырями.

— Что поделаешь, у каждого свои заботы... Мы с Данисом не всегда успеваем позаботиться о тебе.

— Не надо обо мне заботиться. Алла сакласын!¹² Я сама о себе позабочусь, Алла-га шёкер¹³, руки-ноги целы. Пусть меня убережет Аллах от того, чтобы остаться на вашем попечении.

Заметив про себя, что разговор движется в нежелательном направлении, Аскар пошел в наступление.

— Мама, ты не права. Мы стараемся заботиться о тебе. Но ты у нас еще очень молодая и красивая, поэтому мы стараемся лишний раз тебя не беспокоить. Не хотим тебе навязываться.

— Чего ты мелешь-то, а? Говори, что задумал, скотина! — Асия-апа остановилась и схватила Аскара за подбородок.

— Ничего я не задумал, — Аскар деликатно отодвинул руку матери. — Просто я... мы... думаем...

— Кто это «мы»?

— Мы с Данисом...

— Да плевала я на то, что вы думаете. У вас одно только на уме...

— Мама, что ты такое говоришь, — беспомощно пробормотал Аскар. — Мы желаем тебе только добра. Если ты не доверяешь нам, то пусть о тебе кто-то другой позаботится.

— Ах вот оно что! Вот ты к чему. Хотите меня в дом престарелых сплавить?! С глаз долой? Как же я сразу не догадалась, дура!

— Мама!

— Ничего у вас не выйдет!.. Я уже приняла меры. Ничего вам не достанется. Я уже написала куда надо, что вы убить меня хотите. Если со мной что-нибудь случится, загремите оба, мрази проклятые!

«Осторожный разговор» не получился.

У Даниса же все, напротив, вышло как нельзя лучше. Оказалось, что Евгений Семенович и сам со дня на день собрался затеять с братьями разговор о сватовстве к Асии-апа.

— Ну что, — довольно усмехался Данис, — когда поговоришь с матерью? Твоя очередь.

— Боюсь, что это придется делать тебе, брат. Со мной она не разговаривает. Это, кстати, в твоих интересах тоже.

Весь следующий день Данис крутился вокруг матери, но под конец дня не выдержал и подошел к ней в тот самый момент, когда она смотрела свой любимый сериал. Сияясь перекричать какого-то олигарха, который заказывал киллеру своего бывшего школьного товарища и партнера по бизнесу, Данис сказал, выговаривая каждое слово: «Мама, может, тебе замуж выйти?»

Асия-апа встрепенулась, словно ее пнула нализовавшаяся валерьянки слепая лошадь.

— Что же я вам такого сделала? — заголосила Асия-апа. — За что вы от меня избавиться хотите, а? Погодите, детушки, я и так умру скоро. Немного мне уж осталось. Я чувствую инде смерть на пороге стоит, смерть в дверь стучит, а вы никак успокоиться не можете. Все торопите ее. Зачем? — в конце этой тирады Асия-апа зарыдала во весь голос.

— Мам, зачем ты так? — невозмутимо сказал Данис. — Мы тут тебе жениха хорошего нашли.

— Мне?! Жениха? Да ты в своем уме, обезьяна? Ты лучше себе бы жену подыскал, желательно с квартирой. Может, тогда уберешься отсюда к чертовой матери... Не будешь тут на моем иждивении сидеть. И братца своего прихвати.

— Мама, зачем ты такие вещи говоришь? — вмешался стоявший у двери Аскар. — Это очень хороший человек. Ты же не знаешь даже, о ком речь.

— И знать не хочу — затопала ногами Асия-апа. — Ага... Так, значит, вот откуда ветер дует. Значит, это ты этого идиота подстрекаешь? — Асия-апа схватила стакан и запустила в Аскара. Тот успел увернуться, и стакан разбился о стеклянную инкрустацию в двери комнаты...

После крушения попытки устроить семейную жизнь Асии-апа, отношения Аскара с матерью испортились окончательно. Она раз и навсегда решила и ни за что не хотела разлучиться с мыслью о том, что Аскар устроил грандиозный заговор с целью избавиться от нее. Особенно страшно становилось по ночам. Иногда Асия-апа чудилось, что кто-то крадется к ней в комнату, чтобы задушить ее. Тогда она начинала кричать во весь голос, поднимая на ноги не только Аскара с Данисом, но и всех соседей.

Соседи ненавидели Аскара и Даниса. Завидев их, они набрасывались с упрекам и угрозами, обещая в следующий раз вызвать милицию, если они не перестанут по ночам избивать мать. Напрасно Аскар пытался втолковать им, что никого они с братом не бьют, что у матери просто нервное расстройство — никто не верил ему. На людях Асия-апа вела себя скромно и вежливо, здоровалась с соседями, интересовалась, как у них дела, давала советы, как лечить разные болячки.

У Асии-апа довольно рано начались проблемы с памятью. Всякий раз, когда она теряла какую-то вещь, ей казалось, что кто-то украл ее. Этим «кто-то» обычно выступал Аскар. Асия-апа насакивала на него, требуя немедленно вернуть похищенное.

— Куда ты дел мои деньги, сволочь проклятая?

— Мама, я ничего не трогал!

— Не трогал?! Они лежали здесь, в коробке, а теперь их нет. Если сейчас же не положишь их на место, я вызову милицию. Яребби, дожила до того, что родной сын деньги ворует.

Пропавшая вещь или деньги потом, как правило, находились, но мать и не думала извиняться перед Аскаром.

С недавних пор в немилость к Асии-апа попал живший у них сто лет кот, названный на татарский манер Василем. Асии-апа стало казаться, что Василь прыгает ночью на ее диванчик, знаменитый диванчик Заки Бакиевича, намекая тем самым, что ей уже давно пора освободить ему место. Ей представлялось, что день ото дня Василь становится все более дерзким и решительным. Самоуверенный кошачий взгляд не оставлял у нее никаких сомнений в серьезности намерений животного.

Однажды Аскар, как обычно, пришел домой поздно вечером. Он старался найти любой повод, чтобы задержаться либо на работе, либо у друзей. Еще в прихожей его встретил странный едкий металлический запах. Принюхавшись, Аскар направился к ванной комнате, резко отворил дверь и увидел в ванной кроваво-полосатое тело Василя. Вместо глаз у кота были две свекольного цвета ямки. Пол ванной был залит кровью. Аскар метнулся в комнату матери. Пусто. На кухню. Мать стояла перед раковиной, чистила картошку и всхлипывала.

— Кто это сделал?! — закричал Аскар, пряча неслушавшиеся пальцы в карманы.

— Что ты орешь? — Асия-апа мгновенно перестала плакать. — Что ты орешь в моем доме, ничтожество? Кто позволил тебе так себя вести?

— Я спрашиваю тебя, кто порезал кота?!

Мать странно посмотрела на Аскара, словно только что впервые увидела его.

— Испугался? — понизив тон, произнесла она. — Правильно делаешь, балам¹⁴. Бойся. Бойся меня. А ты думал, меня так просто можно из квартиры вышвырнуть, как собаку? Думал, можно безнаказанно обижать меня? Думал, я старая, беспомощная? Один вот тоже хотел и поплатился. Допрыгался...

Аскар схоронил Василя за гаражами, когда стемнело. Достал четвертинку водки, немного вылил на руки, остальное выпил, не закусывая. Домой он решил больше не возвращаться. Данис уже взрослый. Пусть сам решает, как ему жить дальше. Может, с его уходом что-то изменится к лучшему.

Аскар хорошо знал, что как только он исчезнет, мать возьмется разыскивать его. Такое и раньше бывало. Он несколько раз уходил к друзьям или своей девушке Тане, но всякий раз мать находила его и устраивала чудовищный скандал.

На этот раз Аскар решил быть умнее. Он взял на работе отгулы и уехал в деревню. Ту самую, где находился дом, в котором погибли его дедушка и бабушка. После смерти отца Асия-апа привозила их с Данисом сюда несколько раз, еще до того, как они пошли в школу. Аскар часто вспоминал, как они с мамой ходили на могилу деда. Ильяшар Шамсутдиновна была похоронена рядом со своей матерью в Елабуге.

Кладбище было устроено на лесной опушке. Подле могилы деда и на самой могиле росла дикая лесная клубника, такой вкусной ягоды не было даже в самом лесу.

— Это потому, что твой дедушка хороший человек был, — говорила Асия-апа. — Посмотри: ни у кого больше на могилах не растет клубника, а у Заки абзи растет. Он святой был, твой дедушка.

Аскар обожал лакомиться «дедушкиной клубникой», как он ее называл, поэтому он едва ли не каждый день ходил к деду. А Данис был равнодушен к этой ягоде, говорил, что есть клубнику — все равно что лопать посыпанных сахаром склизких улиток.

Асия-апа не запрещала Аскару объедаться ягодами, но сама никогда не ела.

— А ты почему не ешь клубнику, мама? — спросил однажды Аскар.

— Потому что мне нельзя: я уже взрослая.

— А мне почему можно?

— Тебе можно, потому что ты маленький. Пока семь лет не исполнилось — можешь есть, сколько захочешь.

— А почему после семи лет нельзя?

— Потому что до семи лет — возраст ангела, — неохотно отвечала мать.

— А кто такие ангелы? — не унимался Аскар.

— Маленький еще знать. Ешь, пока есть возможность, и не задавай идиотских вопросов.

Кто такие ангелы, Аскару, как могли, объяснили деревенские мальчишки: «Ангелы — это такие существа с крыльями, которые делают людям добро, охраняют и защищают их».

— Значит, через полгода я не смогу больше делать добро?.. — вздохнул Аскар.

Он не знал, чего ему больше хотелось: оставаться всю жизнь добрым или иметь право лакомиться «дедушкиной клубникой» после того, как он перестанет быть ангелом...

На следующий год Асия-апа снова приехала с Аскаром и Данисом в деревню. В тот же день, не распаковав чемодан, она устремилась куда-то с небольшим черного цвета пакетиком, приказав Аскару и Данису оставаться дома.

Прошел час. Мать не возвращалась.

— Не нравится мне все это, — сказал Аскар брату. — Ты сиди здесь, а я вернусь.

— Ты с ума сошел, она, если придет и увидит, что тебя нет, меня убьет. А потом тебя.

— Не дрейфь, я вернусь.

Аскар со всех ног припустил в сторону кладбища.

Все пространство вокруг могилы и рядом было вспахано. Ни одного кустика.

— Ты что здесь делаешь, сволочь? — донесся откуда-то из леса суровый окрик матери. — Я же сказала тебе оставаться дома!

— Мама, где клубника?! — закричал, дрожа всем телом, Аскар.

— Нет больше клубники, сказано тебе: до семи лет только можно клубнику есть.

На следующее утро проведенный беспокойную ночь в размышлениях о клубнике и дедушке Аскар застал на кухне плачущую навзрыд Асию-апа.

— Что случилось, мама? — Аскар, позабыв о вчерашней обиде, бросился обнимать мать.

— Мне снился дед. Он плакал и говорил: «Что я тебе такого, доченька, сделал? Зачем ты на голове моей все волосы повырывала?» Это все из-за тебя и твоей проклятой клубники, — Асия-апа шлепнула Аскара по затылку.

Аскар бросился прочь. Он бежал, покуда хватало дыхания, потом, выбившись из сил, повалился лицом в траву и зарыдал. Он представил дедушку, молодого и красивого, каким он знал его по фотографиям, страшным чудовищем без волос. Весь день дед стоял у него перед глазами, а ночью явился во сне.

Аскару привиделось, будто он крадется ночью по кладбищу, чтобы нарвать клубники. У самой могилы деда он нагибается за сочной ягодой, но вдруг из могилы вылезает длинное костлявое чудовище без волос и хватается его за руку.

— Ты зачем пришел есть мою клубнику? — спрашивает чудовище. — Ты уже не ангел, тебе нельзя...

Аскар проснулся со слезами. С тех пор он ни разу не был ни в деревне, ни на могиле деда...

Их дом с забытыми досками окнами оказался цел, но жить в нем не было никакой возможности: того и гляди, крыша обрушится на голову. Аскара приютила старуха — баба Женя, доживавшая свой век в соседнем доме и хорошо помнившая деда и бабушку Аскара. Баба Женя еще до войны вышла замуж за татарина и после его смерти продолжала жить в опустевшей татарской деревне.

Позавтракав молоком с творогом, они отправились на кладбище.

— Хороший у тебя дед был Заки-абзи, — неторопливо рассказывала баба Женя. — Как они к нам приехали, всем добро делали, никого не обижали. Дед твой мне дом помог починить. Я ведь одна осталась. Мой-то муж еще в войну погиб. Без вести пропал, могилки даже после него не осталось. А у тебя дед здесь лежит, что же ты так редко к нему приезжаешь? Он печалится, что ты не навещаешь его. Вот, кстати, и могилка.

Аскар присвистнул: вокруг могилы и на самой могиле росла дикая клубника. Он не удержался и сорвал одну ягоду. Нерешительно покатал ее на ладони. Большая. Сочная.

— Ты ешь, не стесняйся, — сказала баба Женя, — я не беру этой клубники, но ты же внук ихний — тебе можно.

Теперь ему действительно все можно, хотя он уже давно не ангел.

— Вы не обидитесь, баба Женя, если я немного побуду здесь один? — сказал Аскар, присаживаясь на траву у края могилы.

— Не обижусь, я по своим делам пойду, тут много еще могилочек бесхозных: родственники в город перебрались, совсем позабыли о них. Посиди, поклюй клубничку. Дед твой любил тебя очень. Вот и клубничку для тебя сберег от зверюшек разных и людей.

Аскар вспомнил, что когда они с матерью ссорились, она нередко кричала ему, что если бы не он, то дедушка и бабушка не погибли бы. Маленький Аскар никак не

мог взять в толк, как связано его рождение с гибелью дедушки и бабушки. Но чувство вины с тех пор осталось. Аскар ничего не мог поделать с этим «первородным грехом». Ему с детства внушалось, что все несчастья в мире происходят по его вине: от разбившейся чашки до убийства Индиры Ганди. Наверное, если бы дедушка с бабушкой остались живы, и мама была бы другая. Но что теперь говорить...

Аскар вспомнил, как однажды они с братом пошли купаться на реку, и Данис чуть не утонул. Мать тогда больно отшлепала Даниса, но больше досталось Аскару за то, что не углядел за братом.

— Вот сдохнешь и будешь лежать здесь рядом с дедушкой, — кричала она плачущему Данису, извлеченному из воды оказавшимся поблизости рыболовом, — а этот идиот, — Асия-апа ткнула пальцем в нос Аскару, — будет прибегать сюда и жрать до усеру ягоды на твоей могиле. Ты этого хочешь?

— Не-ет, — закричал Данис.

Вспомнив эту историю, Аскар горько улыбнулся. Он не заметил, как подъел все ягоды на кустах вокруг могилы.

«Да, была бы сейчас здесь мать, она бы устроила мне», — подумал Аскар и отправился разыскивать бабу Женю...

Аскар воротился домой через месяц. Еще на пороге он почувствовал мощный запах винных паров.

— Мать дома? — тихо спросил он даже не поднявшегося при его появлении с кресла брата.

Данис молчал.

Аскар бросился в ванную комнату. Дверь была приоткрыта. Кто-то принимал душ. Аскар уже собрался закрыть дверь, как услышал томное: «Потерпи, котик, я сейчас приду».

— Какой котик? — Аскар сделал шаг назад, отдернул занавеску и... чуть не оглох от женского визга. В их ванной, прикрываясь душевой лейкой, стояла какая-то крепкотелая девица.

Аскар стоял, изумленный, разглядывая незнакомку.

— Вы кто такой? — спросила она с досадой, возвращая занавеску в прежнее положение.

— Хозяин этой квартиры. А вы кто?

— Я женщина Даниса.

— Аскар, чего ты пристал, дай помыться человеку, — произнес, неторопливо выговаривая слова, подошедший Данис.

Аскар схватил брата за горло.

— Данис, где мать? Где мать, я тебя спрашиваю?

— Отпусти, сука, — прохрипел Данис.

Аскар оттолкнул от себя брата.

— В больнице она.

— В какой больнице?

— Известно какой — психической.

Аскар схватил брата за волосы, ткнул его физиономией в раковину, вырвал из рук ошеломленной девицы лейку душа и, включив до отказа холодную воду, стал поливать голову брата.

— Сейчас я тебя приведу в чувства!

Поначалу Данис брыкался, но потом вдруг затих и обмяк. Закончив водную процедуру, Аскар вытолкал брата пинками в комнату.

— А ты... вы одевайтесь, и чтобы через пять минут вас здесь не было! — бросил он девице.

- Аскар, послушай меня. Это не я.
- А кто тогда?
- Соседи. Соседка снизу позвонила к нам, мать стала их заливать, а она затаилась, не открывает. Ну, вызвали МЧС, сломали дверь, а она на них с ножом: думала, выслать ее пришли. Повязали ее, короче, и в дурку отвезли.
- А ты где в это время был?
- У Жеки, кореша моего. Я когда пришел, все деньги, все драгоценности бабушкины и матери пропали. Менты, наверное...
- А что потом было?
- Потом ничего.
- Ты хоть был у матери?!
- Не кричи, Аскар!
- Я тебя спрашиваю: ты был у матери?!
- Нет, не был...

Аскар не сразу решился навестить мать. А может быть, болезнь с тех пор, когда они в последний раз виделись, настолько прогрессировала, что она не узнает его? Раза два Аскар уже стоял на пороге больницы, но не выдерживал и поворачивал назад, оправдывая себя тем, что еще не готов к тяжелому разговору.

«Странно, что мне приходится искать повод, чтобы навестить больную мать», — рассуждал Аскар. Он был абсолютно уверен, что первый вопрос, который она задаст ему, будет звучать примерно так: «Зачем пришел?»

Так и произошло. Асия-апа долго смотрела на Аскара, и ему и впрямь показалось в первую минуту, что она не узнает его, но ожидаемый им вопрос прогнал прочь эту мысль.

- Я пришел навестить тебя, мама.
- А ты кто такой, малай?¹⁵ — холодно спросила мать.
- Я Аскар.
- Какой Аскар?
- Твой сын.
- А-а, кажется, припоминаю. Тот самый, что запрятал меня сюда.
- Мама, я не прятал тебя никуда. Меня вообще не было, когда тебя забрали.
- Хочешь меня перехитрить? Напрасно, сынок.
- Мама, я тут принес тебе фрукты, твою одежду из дома.
- Не надо мне ничего. Убирайся, упырь!

Аскар вышел из столовой, где происходила его встреча с Асией-апа. Но вместо того, чтобы расстроиться, он улыбнулся. Он уже совсем отвык от выходов матери. Он не сразу услышал, как его кто-то окликнул.

Это был невысокий с необычным для бледных стен больницы загаром человек в очках, одетый, словно Маленький Мук, в безразмерный халат, концы которого волочились по полу. Его негустая длинная борода, как у Хоттабыча, придавала его облику еще большую сказочность.

- Не пугайтесь моего наряда. Меня тут все не иначе как Маленьким Муком не называют.
- Да, одежда на вас и в самом деле необычная, — согласился Аскар.
- Простите, что вмешиваюсь. Но я слышал кусочек вашего разговора с матерью.
- Вы ее знаете?
- Мы все друг друга знаем. Асия-апа — чудесная женщина. Меня, кстати, Марат зовут.
- Очень приятно: Аскар.

— А вы, судя по всему, — очень хороший сын. Поверьте мне, не каждый решится сюда прийти. Я понимаю, Вы сейчас обижены на мать, но наберитесь терпения. Терпение, как говорил один хороший человек, — это половина веры.

— Может быть, — продолжал Аскар, не отводя взгляда от Маленького Мука. — Давайте выйдем на улицу. Погода сегодня хорошая.

— Мне нельзя. Я из «буйного» отделения. Нас на улицу не пускают.

— Странно, вы совсем не похожи на буйного, — заметил Аскар.

— Да, вы правы, я и в самом деле здесь, можно сказать, случайно...

— Случайно?

— Вам, правда, это интересно?

— Конечно.

— Меня сюда определили. Я работал заместителем нашего муфтия. Год назад муфтий создал специальный фонд заката. Меня назначили управляющим. Поначалу, когда в фонд поступали незначительные средства, все шло хорошо, но когда уровень пожертвований вырос, муфтий стал часто брать деньги из фонда, не давая никому отчета. Я долго молчал, но потом стал делать ему замечания. И вот теперь я здесь.

— Понятно. Стало быть, за честность пострадали?

— Назовите это так, а кто-то назовет это нетерпимостью.

— Нетерпимостью к чему?

— Нетерпимостью к человеческим слабостям.

— Но разве не долг каждого гражданина... тем более верующего, останавливать зло?

— Вы правы, проблема только в том, что человек часто с готовностью принимает на себя роль судьбы, но не всегда понимает, что есть добро, а что — зло...

На следующий день Аскар снова пришел в больницу. Мать на этот раз показалась ему приветливее. Взяла фрукты. Поблагодарила за заботу. Спросила, как дела у Даниса. Аскар ликовал.

На выходе из столовой у лестницы он увидел Маленького Мука.

— Как ваша мама?

— Кажется, лучше. Вот принес ей фрукты.

— Я вчера весь вечер проговорил с ней. О вас.

— Вы серьезно?

— А разве я похож на человека, который говорит несерьезные вещи?

— Да, простите. И что же она сказала? Ругала меня, наверное?

— Наоборот, хвалила. Говорила, что, несмотря на ее тяжелый характер, вы терпите ее и заботитесь. Она гордится вами. Не лишайте ее надежды. Иногда лишить надежды хуже, чем лишить жизни.

— Для того, чтобы лишить кого-нибудь надежды, надо самому на что-то надеяться, — меланхолично произнес Аскар. — А я давно уже ни на что не надеюсь.

— И кто же вас лишил надежды?

— Не знаю. Сама жизнь, наверное.

Они вернулись в столовую, служившую местом свиданий с больными.

— Марат, меня всегда интересовало, как люди приходят к вере, — сказал Аскар. — Вот вы в муфтияте работали. Что заставило вас обратиться? У меня у самого прадедушка муллой был.

— У каждого свой путь. Я в молодости ни во что не верил: ни в Бога, ни в Ленина. Время такое было, конечно. Коммунистические идеалы потускнели. А к вере привычки у нас не было. Я был, что называется, трудным подростком: верил только в себя, никого, кроме тех, кто был физически сильнее меня, не уважал. Так

вышло, что у нас сосед был. На него словно из рога изобилия обрушивались разные неприятности: то жену в подъезде убили, то квартиру буквально через пару месяцев после этого ограбили, а он продолжал жить, словно ничего не произошло. Люди спрашивали его: «Азат-абый, как же так, вы один совсем остались. Как жить-то теперь будете?» А он только отвечал: «На все воля Всевышнего». Через некоторое время у него обнаружился диабет, в тяжелой стадии, началась гангрена, пришлось ампутировать ногу. А он все свое твердит: «На все воля Всевышнего». Я, помню, тогда удивился: как так? Выходит, что этот человек сильнее меня? Он слаб физически — про таких людей говорят: «соплей перешибешь», но его не способны сломить любые трудности. Со всей юношеской прямоотой я спросил его тогда: «Азат-абый, почему вы такой сильный?» Он усмехнулся и ответил: «По воле Всевышнего». Я тогда разозлился, конечно: подумал, что он дурака валяет, издевается надо мной. Говорю: «Азат-абый, а есть то, что способно вас разозлить или расстроить?» Он подумал и ответил: «Если только странные вопросы, задаваемые из праздности и любопытства». Я сначала даже не понял, о ком это он, но потом, увидев его улыбку, расхохотался. Мне нравилось его отношение к жизни.

Я стал часто приходиться к Азату-абый. Друзья смеялись: что ты в этом калеке нашел? Но мне было интереснее с ним проводить время, чем слоняться по двору и цеплять случайных прохожих не из нашего района.

В положенные часы Азат-абый прерывал наше общение и молился в своей инвалидной коляске. Я в такие моменты неловко себя чувствовал, тем более что он никогда не предлагал мне присоединиться к нему. Он вообще меня ни к чему не призывал, просто разговаривал со мной, рассказывал интересные истории, притчи про пророков древности, истории из своей жизни. Однажды, когда он стал приговариваться к тому, чтобы совершить намаз, я сказал ему:

— Азат-абый, я тоже хочу молиться.

Он улыбнулся:

— Зачем тебе?

— Просто хочу, — отвечал я, несколько удивленный.

— Ну, а если я тебе не разрешу, ты обидишься?

Я задумался.

— Да нет, в принципе не обижусь.

— Ну, значит, не пришло еще твое время. Посиди, подожди, пока я помолюсь.

Весь вечер я думал над его словами, почему он, глубоко верующий человек, не разрешил мне вместе с ним обратиться с молитвой к Богу. И понял: он так проверял мою готовность. Он хотел понять, было ли мое желание вызвано сиюминутным порывом или стало результатом моей духовной эволюции.

Через несколько дней я пришел к Азату-абый и сказал: «Сегодня я буду читать намаз с вами, Азат-абый, и я очень обижусь, если вы запретите мне делать это...» Так я стал мусульманином.

— Интересная история, — произнес Аскар. — А я вот намаз не читаю, хотя и считаю себя мусульманином. Никак не могу заставить себя молиться пять раз, — сказал Аскар.

— А пробовали?

— Пробовал, вслед за другом-чеченцем в институте. Не пошло. Через силу как-то получалось. Натужно.

— Так и не надо заставлять себя что-то делать через силу! Тем более пять раз. Молитесь хоть два раза: утром и вечером. Ведь известно, что два яблока хуже, чем пять, но лучше, чем ни одного. Вот вы, например, пообедали сегодня?

— Да.

— Значит, есть не сильно хотите. Одного или двух яблок будет вам достаточно. А ежели вы голодны, то и все пять съедите и не заметите. вам нужно духовно проголодаться, чтобы пять раз молиться.

— Может, вы правы.

Весь вечер Аскар размышлял над словами Маленького Мука. Может, и в самом деле корень всех его бед в том, что в нем недостаточно веры? Именно недостаточно, потому что до этого момента Аскар искренне считал себя человеком, довольным своими отношениями с Богом. Он допускал Его существование в качестве некоего Высшего разума, чьи замыслы не доступны простому смертному, но старался не вмешивать Бога в свои личные дела. Однако той веры, которая в нем была, не хватало даже на то, чтобы противостоять жизненным невзгодам, не прибегая к верным средствам: спиртному и женщинам. Значит, нужно найти в себе эти силы, которые есть у тех, кто верит. Искренне верит. Таких, как Марат.

Аскар зачастил в больницу. Однажды он поймал себя на мысли, что ходит уже не столько к матери, которая, к его удивлению, вела себя кротко и не произносила в адрес сына бранных слов, а к чудаковатому Маленькому Муку. Когда наступало время намаза, Марат вставал и тихо уходил в небольшой закуток под лестницей на первом этаже, чтобы помолиться. Однажды когда Марат стал готовиться к молитве, Аскар осторожно взял его за руку:

— Позвольте, я почитаю за вами.

— А не боитесь?

— Чего ж мне бояться?

— Что понравится и втянетесь?

— Не боюсь, — улыбнулся Аскар. — Я уже вчера вечером попробовал.

— Через силу?

— Нет...

Молитва принесла ему радость. В те несколько минут не существовало ничего, кроме него и Непостижимого, с которым он говорил один на один.

Когда намаз закончился, Аскар продолжал сидеть на полотенце, которое Марат приспособил под коврик для молитв, задумчиво уставившись в одну точку на полу.

— Это все? — наконец очнулся Аскар. — Может, прочтем еще один намаз?

— Не стоит спешить, дорогой друг: если вы голодны, не ешьте все пять яблок сразу. Съешьте их через определенное время — иначе живот заболит...

Когда Аскар вернулся домой, Данис бездумно сидел перед телевизором с бутылкой пива. Аскар не стал сгонять его с дивана.

— Что ты такой спокойный сегодня? Не приболел? — удивился Данис, но от греха подальше поставил бутылку пива подальше от себя. Сколько раз во время ссор Аскар выплескивал на него содержимое бутылки.

— Сегодня я снова был у мамы. Ты знаешь, раньше я думал, что все, что с ней и с нами происходило, — это из-за недостатка воспитания. Но сейчас я почти уверен: это из-за отсутствия веры. У нее и у нас.

— С чего ты так решил?

— Так, с одним человеком пообщался.

— Там, в дурке, что ли? — Данис противно захихикал.

— Данис, ты опять пьян?

— А ты не видишь?

— Вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь? Тоже мне трезвенник нашелся.

— Откуда ты берешь деньги на все это? Вот что интересно.

- У меня есть спонсор.
- Какой еще спонсор? Не паясничай! Зачем ты пьешь?
- Это кто меня об этом спрашивает? — Данис даже привстал в кресле. — Уж не тот ли Аскар, который напился и дебоширил в новогоднюю ночь? Помнишь, что тебе мама сказала? А? Может, это ты Василя с упоя порезал, а на мать свалил?
- Слушай ты! — Аскар схватил брата за плечо.
- Отпусти, больно!
- Больно? Сейчас еще больнее будет! Я пью... пил не от хорошей жизни. Понимаешь?
- А я что, от хорошей? У нас с тобой, кажется, одни и те же проблемы.
- Проблемы, может, и те же, но только не ты, а я решаю эти самые проблемы.
- Зачем? Я не просил тебя их решать.
- Не просил? Да если бы не я...
- Что если бы не ты?.. Что мне теперь тебе жопу лизать надо до скончания века? — Данис с криком бросился из комнаты.

Аскар сорвал с ноги тапок и запустил в брата. Тапок угодил в стеклянный фрагмент в двери комнаты: стекло пошатнулось и повалилось на пол, расколовшись на несколько кусков.

- Что-то мне это метание тапок напоминает, — с надрывом крикнул Данис в образовавшийся проем.
- Ты что, нормально стекло поставить не мог?! — крикнул Аскар.
- Не хватает тебе терпения, Аскар, — философски заметил Данис, возвратившись в комнату. — Ты зря на меня ополчился. Я ведь в каком-то роде шахид. Я ведь не с мусульманами пью, а с неверными. Я уничтожаю их организм спиртным.
- И свой тоже.
- Ну да, и свой тоже — раз я шахид.
- Поосторожней с этим словом! Ты знаешь, что оно означает?
- Знаю, не один ты такой умный.
- Шахид — это мученик, невинноубиенный, пострадавший за правое дело. Поэтому не употребляй слов, значение которых ты не понимаешь.
- Ой, ой!

Вместо ответа Аскар швырнул в брата второй тапок. На этот раз он угодил в цель...

Несколько раз потом Аскар пытался затеять разговор с братом, но ничего из этого не выходило. Данис либо отшучивался, либо молчал.

Аскар стал замечать, что через какое-то время Данис перестал являться домой пьяным. Он возвращался так же поздно, но не шумел, как прежде, а тихо раздевался в прихожей и прошмыгивал в комнату матери, куда он переехал после того, как Аскар вернулся из деревни, и вскоре ложился спать. Аскар в душе ликовал: прислушался-таки братишка к его словам, глядишь, скоро и на намаз встанет. А то, что не людим, — это понятно, любому человеку тяжело в одночасье измениться.

Прошел месяц или около того. Данис все так же приходил поздно. Он говорил сухое «привет» и сразу удалялся в свою комнату. Поначалу Аскар рассчитывал, что, когда мать выпишут из больницы, Данис вернется в их общую комнату, и тогда они смогут найти общий язык. Но врачи посоветовали оставить ее в больнице: то ли лечение дало результат, то ли общение с Маленьким Муком пошло матери на пользу, но Асия-апа чувствовала себя в больнице довольно комфортно. У нее появились даже подруги: обе дамы преклонных лет, страдавшие маниакально-депрессивным психозом. Они вместе смотрели сериалы, а потом строили предположения, что должно произойти с героями в следующей серии. Одна из них жила в отдельной палате с телевизором.

Однажды Аскар пришел навестить мать и встретил в столовой Марата.

— У меня для вас хорошая новость, — сказал он, обнимая Аскара. — Вашу маму перевели.

— Куда? — всполошился Аскар.

— В другую палату. К ее подруге Наталье Николаевне. У нее сын оплачивает ей отдельную палату. Он увидел, как Наталья Николаевна подружилась с вашей мамой, и решил, что им вместе в одной палате будет комфортнее. Все расходы он взял на себя.

— Ну, слава Богу! Если все дальше так пойдет, то мама домой возвращаться не захочет, — засмеялся Аскар.

— Захочет, она не может без вас жить.

— Ну... в каком-то смысле да... Марат, меня в последнее время очень беспокоит брат. Странное все-таки существо — человек. Брат, кажется, исправляться стал, мне бы радоваться, а я почему-то пугаюсь этого. Сердцем чувую: что-то не так здесь, а объяснить не могу.

— Мне кажется, я понимаю вас, — отвечал Марат. — Вы привыкли заботиться о нем, направлять его и вдруг видите, что он совсем не нуждается в вас и вашей помощи. Он смог измениться сам. Мой совет: признайте его право быть самим собой.

Прошло еще полмесяца. Аскар следовал совету Марата. Но Данис, казалось, не замечал его. Однажды когда он в очередной раз явился за полночь и хотел прошмыгнуть в свою комнату, Аскар возник у него на пути.

— Данис, объясни, пожалуйста, что происходит?

— Все в порядке, Аскар. Я очень устал сегодня.

— Нет, так дело не пойдет. Объясни, что случилось. Что означает все это? Посмотри на себя, ты опустился. Похудел в два раза, бриться перестал. Под Че Гевару косишь?

— Аскар, дай пройти, — серьезно, но без злобы отвечал Данис. — Я не собираюсь тебе ничего объяснять.

Аскар не двинулся с места. Данис попытался обойти его, но Аскар крепко вцепился ему в руку.

— Отпусти, — тихо сказал Данис.

— Сначала ответь.

Данис попытался вырваться и задел локтем подбородок Аскара. Тот, не раздумывая, дал пощечину Данису.

— Не бей! — противным голосом кричал Данис, как в детстве, когда Аскар лупил его за то, что тот закладывал его матери. — Очки разобьешь. Они денег стоят.

— Тогда сними очки.

— Не сниму!

— Ну, тогда терпи.

— Ненавижу тебя!

— Ненавидишь? А за чей счет ты живешь?

— Наконец-то услышал! Попрекаешь меня? Всё, с завтрашнего дня ты меня не увидишь!

— Испугал.

Аскар не придумал значения словам брата. Куда ему уходить? К своим кентам-собутыльникам? Но долго ли они его вытерпят, халявщика и неряху? К тому же он перестал пить...

На следующий день Аскар обнаружил дома записку: «Аскар! Не ищи меня! Разберись сначала с собственными проблемами, прежде чем решать мои».

— Шут гороховый, — Аскар швырнул записку в мусорное ведро.

Данис в тот день и в самом деле не пришел.

«Ничего, посмотрим, на сколько тебя хватит», — подумал Аскар.

Три дня и три ночи Аскар выжидал, тревожно то и дело порываясь набрать номер Жеки — лучшего кореша брата. Раньше, когда Данис задерживался или вовсе не приходил ночевать и не отвечал на звонки, Аскар звонил Жеке, и тот давал ему исчерпывающую информацию о местонахождении и о текущем состоянии брата.

Данис и Жека хорошо дополняли друг друга: первый обладал даром «разводить» девушек, второй имел все необходимые для этого средства, способствовавшие ускорению процесса взаимопонимания с новыми знакомыми. Кроме того, у Жеки, в глазах Даниса, имелись другие неоспоримые достоинства: у него были машина, хата и вагон времени. Жека нигде не работал: денег, присылаемых родителями, хватало не только на хлеб-соль.

На третий день Аскар не утерпел: набрал номер Жеки. Жека, который то ли еще не проснулся, то ли уже собирался спать, пробормотал, почти прошептал:

— Алло!

— Привет, Жека, это Аскар. Данис не у тебя?

— Сколько сейчас времени?

— Час ночи. Прости, если разбудил. Данис у тебя?

— Данис? — в трубке послышался то ли смех, то ли кашель. — Я уже недели три не видел его.

— Не знаешь, где он может быть?

— Хороший вопрос. Ты сам-то брата когда последний раз видел?

— Позавчера.

— Тогда странно, что ты задаешь такие вопросы. Спроси лучше у его новых друзей.

— Каких друзей?

— Бородатых.

— Каких еще бородатых?

— Не дрейфь, скоро увидишь своего брата по телеку — в Чечне или Афгане, — сказал Жека и засмеялся.

Бородатых?.. Аскар стал вспоминать, что происходило с Данисом в последнее время. Он стал нелюдимым. Бросил пить. Раньше, когда Данис приходил пьяным, он лез общаться. Теперь слова из него не выбьешь. Он вообще много любил болтать. Что же случилось?.. Бородатые... Чечня... Афган... Неужели?.. Ну да, он же стал отращивать бороду. А он-то, Аскар, подумал о Че Геваре...

У Аскара имелось немало добрых знакомых среди «бородачей». С большинством из них он познакомился в мечети. Стать таким, как они, Аскар не мог или не хотел. И дело, конечно, было не в бороде.

Аскар искренне считал, что вера — личное дело каждого человека. Даже после того, как он начал читать намаз, он не делил людей на «своих» и «чужих» — в зависимости от того, соблюдает человек обряды или нет. Вопрос спасения — личное дело каждого человека, думал Аскар. Можно лишь подсказать ему, в каком направлении двигаться, и то, если сам человек попросит об этом. Поэтому Аскар даже после случившегося с ним преобразования не стремился, как делают многие неофиты, заставить брата немедленно последовать его примеру.

Для «бородачей» вера не была частным делом. Тот, кто был не с ними, не такой, как они, мог быть либо временным попутчиком, либо врагом. Но их черно-белый максимализм притягивал многих, особенно молодых. А еще сила, та самая сила, которая так влечет еще неокрепшие умы. Не столько сила духа, которая была в инвадиде — мусульманском Иове — Азат-абый, а сила, заключавшаяся в неистреби-

мой уверенности в собственной правоте. Молодые не любят рефлекслирующих интеллектуалов, им нравятся люди, уверенные в себе, принимающие решения не задумываясь. Задумчивость — это слабость.

Была еще одна причина, по которой Аскар не спешил читать проповеди брату. Данис хорошо помнил другого Аскара: не брезговавшего алкоголем, не избегавшего женщин. Этот образ пока еще не был вытеснен другим — человека, живущего по иным правилам. Для этого, как полагал Аскар, требовалось время. Значит, Данис повстречал тех людей, которые собственным примером смогли указать ему правильный путь. Ненавязчиво или, напротив, настойчиво, жестко...

Он прождал несколько дней, но брат не объявился. Может, и в самом деле, позвонить в милицию?.. Нет! Что если брат и впрямь ушел к ваххабитам — и сейчас воюет где-нибудь в горах на Кавказе? Тогда своим заявлением он только навредит Данису. Лучше искать самому.

Оставалось одно — ждать ближайшей пятницы. Аскар надеялся, что ему удастся разузнать что-нибудь о брате на ближайшем джума-намазе. Если он стал правильным мусульманином, значит, он не пропускает ни одной пятничной молитвы. Даже если он не найдет брата, наверняка отыщутся люди, видевшие его.

Аскар пришел за час до начала намаза. В мечети уже было немало людей. Это были и длиннородые кавказцы, и местные татары с небольшой растительностью на подбородке. Всех этих людей объединяло то, что они проходили самыми первыми и не спешили покинуть мечеть после окончания хутбы. Они сидели небольшими кружками и переговаривались вполголоса. Аскар поочередно подходил то к одному, то к другому кружку. Разговор везде был примерно одинаков.

— Ас-саламу алейкум, братья!

— Ва алейкум ас-салам, брат!

— Я ищу брата. Его Данис зовут, — Аскар показывал сидевшим фотографию Даниса.

— Да, кажется, я видел его в прошлую пятницу. Только он с бородой, — отвечал кто-то из собравшихся. — Или нет, погоди, брат, кажется, он был не в прошлую, а позапрошлую пятницу.

— А потом не видели его?

— Нет.

Пару раз ему казалось, что он видел самого Даниса. Но это оказывались лишь похожие на него ребята. После того как Данис отрастил бороду, он стал похож на многих молодых мусульман, регулярно посещавших мечеть.

После намаза Аскар одним из первых выскочил на улицу и замер у самого входа. Завидев выходящего из мечети бородача, он бросился к нему с фотографией брата. Но ничего нового, кроме того, что уже было известно ему, Аскар не услышал. Он уже собирался спрятать фотографию и пойти на работу, как вдруг услышал:

— Ну-ка, улым, покажи-ка свой снимок.

Низкорослый усатый мужчина с большим животом, в длинной белой рубашке навыпуск протянул обе свои жилистые руки к Аскару.

— Постой-ка, откуда у тебя этот снимок? — сказал он, впиваясь глазами в фотографию.

— Это мой брат.

— Ах, брат! Пойдем-ка со мной! — пузатый схватил Аскара за руку. — Ты мне за все ответишь! Брат...

— В чем дело?!

— Этот твой брат обесчестил мою дочь. Я долго искал его, и вот Аллах услышал меня!

— Но я сам ишу брата! Он пропал.
— Пропал? — пузатый остановился. — Небось прихватил у тебя бабки и исчез.
— Перестаньте, — Аскару удалось вырваться из рук незнакомца.
— Так вот слушай меня, парень: если Всевышнему будет угодно, я первый из нас двоих найду твоего брата, и, клянусь Аллахом, ему не поздоровится, — незнакомец исчез в толпе с фотографией Даниса.

Аскар стоял, не зная, смеяться ему или плакать. Он пропустил мимо нескольких матерых бородачей. Да, не скоро еще прошлая слава брата смоеется росой обретенной веры. Про «росу веры» Аскар прочел в одной из книжек, подаренных ему Маратом.

Аскар растерянно смотрел на проходивших мимо людей.

«Похоже, дело безнадежное», — подумал он и в тот же момент услышал за спиной:

— Ас-саламу алейкум, брат!

Аскар обернулся. Перед ним стоял высокий голубоглазый бородач в закатанных штанах. Судя по внешности — русский.

— Я слышал, ты ищешь нашего брата Даниса, — произнес бородач с заметным кавказским акцентом.

— Своего брата, — осторожно поправил Аскар.

— Теперь он не только твой брат, но и наш, альхамдулиля!¹⁶ — миролюбиво улыбнулся голубоглазый.

— Да... конечно, — неуверенно сказал Аскар, а внутри его все задрожало, как в их домашнем серванте, когда мимо дома проносилась электричка. — Вы что-то слышали о нем?

— Слышал кое-что.

— И где он?!

— Он жив, альхамдулиля.

— Где он?

— Среди братьев. Наберись сабра¹⁷, брат. Я понимаю, что ты соскучился по Данису, но не пытайся найти его. Он сам объявится, когда придет время, инша Алла¹⁸. Салам алейкум, — бородач неторопливо пошел прочь.

— Постойте! А когда он вернется?

— Наберись побольше сабра, брат... Быстрее, чем ты думаешь, инша Алла!

Аскар подался было за незнакомцем, но тот, словно прочитав его мысли, резко обернулся и крикнул:

— Если ты хочешь пойти за мной — не советую. Когда придет время, Данис сам найдет тебя, инша Алла!..

Ожидание утомляло Аскара, лишало инициативы. Потом он постепенно свыкся с мыслью, что брат жив, но где-то далеко. Не доступен, как абонент телефона.

«Разве не должен я радоваться тому, что Данис вместо того, чтобы пить и бродить по злачным местам, сейчас, наверное, читает намаз, вымаливая у Аллаха прощения за свои грехи», — успокаивал себя Аскар. Но вместе с этой мыслью появилась другая: почему брат, решивший встать на правильный путь, не рассказал ему об этом? Разве не он, Аскар, всеми силами пытался отвести его от греховной, неправильной жизни? Как получилось, что он проморгал тот момент, когда непутевый брат пошел по прямому пути?.. Что в нем сейчас говорит — беспокойство за судьбу брата или ревность к тем, кто смог сделать то, что оказалось не под силу ему? Все-таки прав был Марат.

В больнице Аскар не удержался и рассказал Марату историю о своей встрече с голубоглазым.

— Что скажете, Марат-абый?

— Да что тут говорить. Вы, кажется, и сами все поняли. И вы, и брат пришли к вере. Но у каждого из вас оказался свой путь. Думаю, ваш путь не подошел бы Данису, как и его путь вызвал непонимание у вас.

— Значит, вы советуете не искать Даниса?

— Конечно. вам остается только ждать. Проявите сабр. Когда придет время, он сам вам все расскажет.

И Аскар стал ждать. Поначалу, возвращаясь домой, он каждый раз задира л голову, надеясь увидеть свет в одном из окон квартиры. Но света не было. Засыпая, Аскар долго прислушивался к каждому звуку. Звон стекла в серванте от проходившего мимо поезда заставлял его вскакивать: ему казалось, что это брат гремит посудой в кухне...

Прошла неделя. В пятницу Аскар вновь пришел в мечеть, надеясь встретить Даниса. Но вместо брата наткнулся на пузатого.

— Ну что, улым, нашел своего братца?

— Нет.

— И я, к сожалению, не нашел, — сказал он, потирая ладони. — Ничего, посмотрим, кто из нас отыщет его раньше!..

В субботу Аскар решил поспать дольше обычного. Он не сразу услышал звонок. В дверной глазок он увидел человека с жидкой бороденкой, в очках, худого, в длинном белом плаще. На голове — белая круглая шапочка.

— Данис? — Аскар распахнул дверь.

— Ас-саламу алейкум, брат!

— Ва алейкум ас-салам, братишка! — голос Аскара задрожал. В том, как Данис произносил это слово «брат», было что-то особенное. Что-то, с одной стороны, близкое, но с другой — непреодолимо далекое. Вроде бы одно и то же слово, а звучало оно теперь совсем по-другому.

Братья долго смотрели друг на друга.

— Может, чаем угостишь, брат? — наконец сказал Данис.

— Да, конечно, — Аскар метнулся на кухню.

— Ты прости меня, брат, ради Аллаха, что пропал, — продолжал Данис. — Но поверь, так было нужно.

— Нужно кому?

— Тебе и мне. Ты бы не понял меня. Я решил, чтобы не вносить фитнес¹⁹ между нами, мне лучше пока исчезнуть. Да и тебе, наверное, наша разлука пошла на пользу: помогла набраться сабра.

Ох уж это словечко — сабр!

— Ты, наверное, давно выкинул мои тапки, брат?

— Данис, что ты такое говоришь. Твои тапки в шкафчике с обувью. Наверху.

— Маша Алла²⁰, — сказал Данис, надевая тапки. — Так вот, я попросил устаза²¹ Хамзу передать тебе, что у меня все нормально.

— Устаза Хамзу, значит? — Аскар начал постепенно приходить в себя после приступа восторга, порожденного возвращением брата. Он подумал, что случись такое еще полгода назад, он надрал бы Данису уши, но сейчас у него даже язык не поворачивался упрекнуть его. Вместо этого Аскар неуверенно спросил:

— Может, расскажешь, где ты пропадал все это время. Или тебе твой Хамза про это не велел говорить?

— Зачем слова такие говоришь, брат? Устаз Хамза хорошо к тебе относится. Он богобоязненный человек и не заслуживает таких слов.

— Может быть, ты мне все-таки расскажешь о своих приключениях? — нетерпеливо перебил Аскар.

— Может, и расскажу, брат, но точно не сейчас. Ты уж прости. Просто Аллаху таяля²² свел меня с братьями, которые чисты в своих помыслах. Я очень надеюсь, что вы с ними, инша Алла, скоро познакомитесь.

— Я тоже надеюсь, — без энтузиазма ответил Аскар.

- Брат, скоро зухр²³. Разреши, я вуду²⁴ сделаю.
- Конечно, брат. Почему ты меня спрашиваешь, это же твой дом?
- Мой дом там, где живут мусульмане.
- Ну, в таком случае это один из твоих домов, — усмехнулся Аскар, колдуя над яичницей.
- Маша Алла, — отвечал Данис, поглаживая бороду. — Ты не обидишься, если я буду имамом?²⁵
- Нет, не возражаю, — отвечал уставший удивляться Аскар.
- Совершив намаз, Аскар присел на корточки и ждал добрые десять минут, пока Данис отчитает пропущенную по каким-то причинам молитву.
- Пойдем пить чай, Данис.
- За чаем Данис придирчиво изучал текст на коробке конфет, которые Аскар приберег для мамы, но на радостях открыл брату.
- Прости, брат, но здесь есть желатин, — сказал Данис и отодвинул конфеты.
- Бог простит, брат, — улыбнулся Аскар. — Я сейчас в магазин слетаю. Быстро. За правильной закуской к чаю. Ты пока посиди. Надеюсь, не сбежишь.
- Когда Аскар вернулся из магазина с коробкой халяльных кексов «Баракят», он застал брата стоящим на стуле. Данис держал в руке портрет Асии-апа.
- Ты что делаешь, Данис?
- Астахфирула²⁶, — воскликнул Данис, — брат, разве ты не знаешь слова Пророка (салля Аллаху алейхи ва саллям²⁷), сказавшего, что ангелы не войдут в тот дом, где есть изображения людей? Разве ты не хочешь, чтобы ангелы явились сюда?
- Хочу... но это мамин портрет. Не надо его трогать!
- Значит, брат, для тебя важнее твои привычки, чем наш дорогой Пророк (салля Аллаху алейхи ва саллям)?
- Аскар не сразу нашелся, что ответить на эти слова.
- Мне важен наш дорогой Пророк, но я не хочу, чтобы ты снимал мамин портрет. Слышишь, давай слезай со стула и не валяй дурака!
- Вот видишь, брат, я был прав, — грустно отвечал Данис, опускаясь на пол. — Полчаса назад ты говорил, что это мой дом, а теперь ты отдаешь мне приказы как заправский хозяин. В этом доме я никогда не чувствовал себя как дома. Ни раньше, ни теперь.
- Приказы? Данис, а не в Коране ли сказано, что нужно уважать старших? Я, между прочим, твой старший брат.
- Ты — лишь мой брат по крови, но гораздо важнее для меня братья по вере.
- То есть ты хочешь сказать, что я не твой брат по вере?
- Нет, что ты, астахфирула, Аскар. Ты, альхамдулиля, мусульманин, но в твоих словах и поступках много ошибок. Твой иман²⁸ еще слаб, хотя ты и пришел к Аллаху раньше меня.
- Вот оно что. Значит, я мусульманин второго сорта. Так, что ли?
- Не обижайся, брат, у каждого человека свой путь к Аллаху, субханаху ва тааля²⁹. Я не осуждаю тебя.
- Еще б ты осуждал меня, — не выдержал Аскар.
- Я вижу, тебе неприятно, что я вышел из джахилие³⁰. Разве ты не хотел этого?
- Услышав вопрос, который он сам задавал себе много раз, Аскар лишь пробормотал:
- Прости, брат.
- Данис, все это время державший картину в руках, наконец поставил ее на пол и отправился в прихожую.
- Ты куда, Данис?

— К братьям. К тем, кто любит меня ради Аллаха, субханаху ва таала, а не потому, что у нас общие отец и мать.

— Данис, что ты такое говоришь?

— Я говорю то, что думаю. Так учил нас наш дорогой Пророк (салла Аллаху алейхи ва саллям): говорить правду в лицо, даже если перед тобой близкий человек.

— Данис, ты ваххабит? — вдруг вырвалось у Аскара.

Данис аккуратно отстранил руку брата. На лице его появилась кривая усмешка.

— Нет, брат, я суфий, альхамдулиля. Если хочешь знать, наш шейх — подполковник ФСБ в отставке. Я стал его мюридом месяц назад.

— Какой полковник? Данис, ты понимаешь, чем все это может кончиться для тебя?

— Понимаю, брат. Райскими садами, инша Алла.

— Данис, это кончится для тебя тюрьмой!

— Лучше тюрьма, чем жить в джахилие, подобно тебе.

Аскар поднял руку, чтобы ударить Даниса, но остановился.

— Ну, давай ударь, что же ты? — с издевкой спросил Данис. — Ударь, я не боюсь тебя больше. И вторую щеку подставлять не буду.

— Убирайся...

В тот вечер Аскар напился. Впервые с того момента, как он стал читать намаз вместе с Маленьким Муком в больнице.

Неизвестно, сколько прошло времени. Может, день, может, два. Аскар не выходил из дома, не реагировал на посторонние звуки в виде телефонных звонков. Не сразу ответил он и на звонок в дверь. С трудом поднялся с помятой кровати, протер глаза и принялся шарить по полу, разыскивая тапки. Кто-то не отпуская пальца с кнопки звонка.

— Сейчас, сейчас, — Аскар поплелся к двери босым, в одних трусах, задевая руками и ногами все, что попадалось на пути. — Вернулся, гаденыш. Сейчас я тебе задам.

Аскар так спешил, что забыл по привычке заглянуть в дверной глазок. Едва он отодвинул засов, как что-то большое, темное втокнуло его внутрь квартиры. Аскар увидел направленный на него пистолет.

В квартиру ворвались двое в форме.

— Где твой брат?

Аскар удивленно пялился на незваных гостей. Он запустил обе ладони в волосы, пытаясь собраться с мыслями.

— Я тебя спрашиваю: где твой брат?

— Я не сторож брату своему, — отвечал Аскар и тут же получил кулаком в поддых.

— Говори, где брат! — мент приставил пистолет к животу Аскара. — Говори, или я прострелю тебе мозги.

— Мозги у меня находятся выше, в отличие от некоторых, — равнодушно отвечал Аскар и получил еще один удар, на этот раз пониже живота.

— Мы знаем, что он приходил к тебе, — подключился к беседе второй мент. — Если все расскажешь, ни тебе, ни ему ничего не сделаем.

«Сейчас начнут играть в доброго и злого и доброго полицейского», — решил Аскар, но вслух не произнес ни слова.

Он ошибся. Второй мент, не дождавшись ответа, разбежался и с размаху ударил Аскара ногой по лицу. Аскар, хрипя, свалился на пол. И оба мента принялись лупить его без остановки. Они прекратили только, когда Аскар перестал шевелиться.

— Бля, кажется, мы замочили его, — сказал второй мент.

— Туда ему и дорога! Ваххабит проклятый! — ответил первый.

Аскар продолжал лежать на полу, когда над ним раздался шепот молитвы. Голос, читавший суру «Йа син», показался ему необычайно знакомым, даже родным. Мелодичный голос нараспев читал арабские слова, и Аскар, не знавший этого языка, покорно, как старательный ученик, повторял за ним каждое слово. Слова эти были столь же легки, как и его собственное тело, изогнувшееся то ли в полусне, то ли в каком-то ином невесомом состоянии, подобно арабской букве «ба». Кто же этот таинственный человек, обладающий столь дивным неземным голосом?.. Вскоре к первому голосу прибавился другой, такой же мелодичный и нежный. Затем еще один. Аскар хотел распахнуть глаза и увидеть тех, кто услаждал его слух, но глаза не слушались его. Все тело его от макушки до ногтей превратилось в одну сплошную музыку, порождаемую таинственным хором невидимых существ...

Хамза строго-настрого запретил Данису приходить на похороны брата.

— Шахида провожают на тот свет ангелы, поющие ему айаты из Священного Корана, — сказал Хамза. — А тебя, если ты придешь на похороны, проводят в ближайшее отделение люди в штатском.

Данис грустно усмехнулся

— Шейх, он во всем стремился обойти меня. Даже в таком деле вперед пролез. Они ведь за мной приходили... Почему я тогда ушел?

— Значит, твое время еще не пришло, — услышал он в ответ. — Прояви сабр, брат...

¹ Моя дочь (*татарск.*).

² Мама, я люблю Мансура! Сильно люблю (*искаж. татарск.*).

³ О Господи! (*искаж. татарск.*).

⁴ Душа моя (*татарск.*).

⁵ Вместе (*искаж. татарск.*).

⁶ Там (*татарск.*).

⁷ Здесь (*татарск.*).

⁸ Кайф (*татарск.*).

⁹ Уж, уже (*татарск.*).

¹⁰ Немного (*татарск.*).

¹¹ Увидишь (*искаж. татарск.*).

¹² Упаси Аллах! (*татарск.*).

¹³ Спасибо Аллаху! (*татарск.*).

¹⁴ Сынок (*татарск.*).

¹⁵ Парень (*татарск.*).

¹⁶ Слава Аллаху! (*араб.*).

¹⁷ Терпение (*араб.*).

¹⁸ Если будет угодно Аллаху (*араб.*).

¹⁹ Смута, раздор (*араб.*).

²⁰ Слова, выражающие восихищение (*араб.*).

²¹ Учитель (*араб.*).

²² Аллах Всевышний (*араб.*).

²³ Полуденная молитва (*араб.*).

²⁴ Малое омовение (*араб.*).

²⁵ Зд.: руководитель молитвы.

²⁶ Упаси Аллах! (*араб.*).

²⁷ Да благословит Его Аллах и приветствует! (*араб.*).

²⁸ Вера (*араб.*). В арабском языке слово «иман» мужского рода.

²⁹ Велик Аллах и преславен (*араб.*).

³⁰ Зд.: состояние неверия, язычества.

CONTENTS

PROSE AND POETRY

- Konstantin Komarov.** Poems • 3
Renat Bekkin. Askar and his Brother. *Novel* • 9
Stanislav Belsky. Presence. Poems • 36
Denis Kozhev. Stories • 40
Roman Faizullin. Poems • 61
Anton Ratnikov. Reporterium. *Novel* • 66
Yulia Morozova. Poems • 125
Deacon Oleg Kurzakov. Stories • 128
Alexander Dyachkov. Poems • 134

PUBLICISTIC WRITING

- Igor Shumeyko.** Three Paradoxes of the Romanovs • 137

EXISTENTIAL JOURNEY

- Vladislav Bachinin.** Tolstoyevsky-trip. Essays on Comparative Theology of Literature • 150

CRITICISM AND ESSAYS

- Julia Shcherbinina.** Abusive Criticism: Experience of Reflection • 159

ROUND-TABLE CONFERENCE

- St.-Petersburg: Cultural Layer-2012** • 173

PETERSBURG BOOKMAN

- Territory of Memory.** Elena Gushanskaya. Last Book. **Booker-2012.** Larisa Zalesova-Doktorova. Henry VIII with Hilary Mantel's Eyes. **Path to Reading.** Vladimir Chisnikov. Fedya Protasov – Agent of Secret Police Department? (Mystery of Play «The Living Corpse» by Leo Tolstoy). **Pilgrim.** Archimandrite Augustin (Nikitin). Grand Duchess Anna Pavlovna (1795–1865) – Queen of Netherlands. **The Singer's House.** *Elena Zinovyeva's publication* • 197–254

The young for the young

Издатель: закрытое акционерное общество «Журнал „Нева“».
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18.
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52; e-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru;
nevaredaction@gmail.com

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva/>
Ресурс в сети Интернет: www.nevajournal.ru

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276 и ИД «Экономическая газета» по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 42414.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в магазине: «Книжный салон „Российская национальная библиотека”» (ул. Садовая, 20 (Дом Крылова), тел. 310-4487); «Книжный клуб на Австрийской» (Каменноостровский пр., 13/2 (Австрийская пл.), тел. 232-3307); также в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923).

В Москве: в редакции журнала «Знамя» (ул. Большая Садовая, 2/46, тел. (495) 699-4264)

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-2117, 238-4634)

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург: ЗАО «Журнал „Нева”», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала на территории РФ осуществляет редакция журнала «Нева». Заказ можно оформить на сайте издательства www.nevajournal.spb.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева”»

Подписано в печать 25.12.2012. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 в16⁰. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 2800 экз. Заказ № 0000.

Отпечатано по технологии СтР
в ИПК ООО «Ленинградское издательство»
194044, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, д. 9.
Телефон / факс: (812) 495-56-10.